

Анализ платежно-расчетных отношений Российской Федерации и Китая в рамках БРИКС и внедрение новой резервной валюты

Чепков Арсений Александрович

Аспирант

ORCID: 0009-0008-0359-8171, e-mail: chep991@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Изучена трансформация платежно-расчетных отношений между Российской Федерацией и Китаем в условиях санкционного давления и стремления к снижению зависимости от доллара США. Основное внимание уделено анализу ключевых вызовов: волатильности курсов национальных валют, низкой ликвидности китайского юаня, технологической уязвимости из-за использования западных платежных систем. Рассмотрены перспективы создания новой резервной валюты в рамках БРИКС как инструмента диверсификации глобальной финансовой архитектуры. Методология включает структурное моделирование, метаанализ академических исследований, регрессионный анализ данных Международного валютного фонда и прогнозное моделирование. Предложена трехэтапная модель внедрения новой резервной валюты от разработки двусторонней расчетной единицы (китайский юань–рубль) до интеграции цифровых валют (e-CNY, цифровой рубль) на блокчейн-платформе. Особый акцент сделан на технологических решениях, таких как атомарные свопы и квантово-устойчивая криптография, для снижения транзакционных издержек и противодействия санкциям. Выявлены риски, включая макроэкономический дисбаланс из-за доминирования Китая в валютной корзине и угрозу кибератак. Научная новизна исследования заключается в синтезе теории валютного выбора, эмпирических данных по российско-китайской торговле и долгосрочных прогнозов, формирующих основу для перехода к полицентричной финансовой системе. Практические рекомендации направлены на гармонизацию нормативно-правовой базы, расширение ликвидности юаня и координацию действий стран БРИКС. Результаты демонстрируют потенциал новой резервной валюты для укрепления экономического суверенитета и снижения геополитических рисков. Исследование может быть полезно для регуляторов, финансовых институтов и бизнеса, участвующих в проектах по дедолларизации и развитию трансграничных расчетных систем в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова

Платежно-расчетные отношения, дедолларизация, новая резервная валюта, БРИКС, цифровые валюты (CBDC), блокчейн-технологии, санкционное давление, волатильность курсов, финансовая интеграция

Для цитирования: Чепков А.А. Анализ платежно-расчетных отношений Российской Федерации и Китая в рамках БРИКС и внедрение новой резервной валюты // Вестник университета. 2025. № 11. С. 204-219.

Analyzing payment and settlement relations between Russia and China within the BRICS framework and the new reserve currency implementation

Arsenii A. Chepkov

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0008-0359-8171, e-mail: chep991@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The transformation of payment and settlement relations between Russia and China has been studied in the context of sanctions pressure and the desire to reduce dependence on the US dollar. The main focus is on the key challenges analysis: national currency exchange rates volatility, low liquidity of the yuan, and technological vulnerability due to the use of Western payment systems. The prospects of creating a new reserve currency within the framework of the BRICS as a tool for diversifying the global financial architecture have been considered. The methodology includes structural modeling, meta-analysis of academic research, regression analysis of International Monetary Fund data, and predictive modeling. A three-stage model for implementing a new reserve currency has been proposed, from developing a bilateral unit of account (yuan–ruble) to integrating digital currencies (e-CNY, digital ruble) on a blockchain platform. Special emphasis has been placed on technological solutions such as atomic swaps and quantum-resistant cryptography to reduce transaction costs and counter sanctions. Risks have been identified, including macroeconomic imbalances due to China's dominance in the currency basket and the threat of cyber-attacks. The scientific novelty of the study lies in the synthesis of the currency choice theory, empirical data on Russian-Chinese trade, and long-term forecasts that form the basis for the transition to a polycentric financial system. The practical recommendations are aimed at harmonizing the regulatory framework, expanding the liquidity of the yuan and coordinating the actions of the BRICS countries. The study results demonstrate the new reserve currency potential to strengthen economic sovereignty and reduce geopolitical risks. The study may be useful for regulators, financial institutions, and businesses involved in projects on de-dollarization and cross-border settlement systems development in the context of geopolitical turbulence.

Keywords

Payment and settlement relationships, dedollarisation, new reserve currency, BRICS, digital currencies (CBDC), blockchain technology, sanctions pressure, exchange rate volatility, financial integration

For citation: Chepkov A.A. (2025) Analyzing payment and settlement relations between Russia and China within the BRICS framework and the new reserve currency implementation. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 204-219.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. одним из ключевых трендов в международной торговле является интенсивное усиление влияния развивающихся государств, многие из которых трансформируются в новые центры экономики, включая Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия). В настоящее время страны генерируют около половины мирового экспорта товаров, тогда как на рубеже веков их доля составляла около одной трети. Наблюдается возрастающая значимость национальных валют, в частности китайского юаня, индийской и индонезийской рупий. Таким образом, происходит существенная перестройка баланса сил в мировой экономике и системе международной торговли.

Несмотря на значительный экономический потенциал, влияние развивающихся стран в глобальной валютно-финансовой системе остается несоизмеримо малым и не отражает их реального вклада в мировую экономику. Дополнительным стимулом к ограничению доминирования доллара США и расширению использования альтернативных валют в международных транзакциях стали беспрецедентные масштабы экономических санкций, введенных западными странами против России и ее торговых партнеров. В настоящее время доллар США превратился в инструмент политического давления и санкционного воздействия со стороны Соединенных Штатов Америки (далее – США) на государства, не соблюдающие установленные санкционные режимы.

Эксперты Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) считают, что текущая мировая экономическая ситуация подрывает доверие к доллару США как главной валюте для расчетов между странами. Это может ускорить переход к системе, где вместо одной доминирующей валюты будет несколько сильных (например, евро, китайский юань). Эту точку зрения поддерживают все больше ученых и экспертов, и исследования это подтверждают [1].

Настоящее исследование использует методы структурного моделирования для анализа динамики валютной диверсификации в глобальных торговых операциях. Основное внимание уделяется выявлению и систематизации главных факторов, влияющих на выбор валюты для расчетов по контрактам, таких как транзакционные издержки, макроэкономическая волатильность и институциональные асимметрии. Рассматривается стратегическая диверсификация валютных резервов, инициированная Россией и ее торговыми партнерами в рамках политики дедолларизации. Результаты анализа показывают, что внешние факторы (включая финансовые санкции) достоверно негативно влияют на стабильность российской экономики. При этом корреляция между политическими целями санкционных режимов и их экономическими эффектами остается слабо выраженной, что подтверждается регрессионным анализом данных Международного валютного фонда за 2018–2023 гг.¹

Введение вторичных санкций для банков, занимающихся международными транзакциями, стало ключевым фактором, меняющим глобальные платежные системы. Проблематика межгосударственных расчетов приобретает особую актуальность для стран с высоким уровнем концентрации банковского капитала и динамично растущими макроэкономическими показателями. Эмпирические данные по товарообороту между Китаем и РФ демонстрируют устойчивый тренд: в 2024 г. объем двусторонней торговли увеличился на 2,3 % (по данным CEIC и China Customs), что коррелирует с усилением стратегического партнерства на фоне геоэкономической турбулентности^{2,3}. Однако российские субъекты коммерческой деятельности сталкиваются с парадоксальным вызовом: экспоненциальный рост внешнеторговых операций (+ 18 % за 2023–2024 гг., согласно отчетам Федеральной службы государственной статистики) сопровождается эскалацией рисков блокировки транзакций из-за ужесточения комплаенс-требований в китайских банках⁴. Несмотря на экспоненциальный рост объема торгового оборота с Китаем и иными «дружественными» государствами, сохраняются значительные риски блокировки платежных транзакций. Ужесточение системы проверок в банковских институтах Китая и перспектива наложения вторичных санкций вынуждают компании изыскивать альтернативные каналы передачи средств, включая проведение расчетов через третьи юрисдикции и интеграцию инновационных платежных систем.

¹ Международный валютный фонд. Экономическая ситуация и перспективы региона: повышение стойкости и содействие устойчивому росту. Режим доступа: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/REO/MCD-CCA/2023/October/Russian/ch1.ashx> (дата обращения: 15.07.2025).

² CEIC. Импорт в Китай по таможенным округам. Режим доступа: <https://www.ceicdata.com/en/china/import-by-customs-district> (дата обращения: 15.07.2025).

³ China Customs. Режим доступа: <http://english.customs.gov.cn/> (дата обращения: 15.07.2025).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Федеральная таможенная служба. Раздел «Внешняя торговля»: статистика по экспорту и импорту. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения: 15.07.2025).

Несмотря на беспрецедентную строгость санкций со стороны Запада и США, а также на падение цен на сырьевые товары, обусловленное замедлением темпов глобального экономического роста, российская экономика избежала прогнозируемой глубокой рецессии и после краткосрочной адаптации вернулась на траекторию роста. Это свидетельствует о том, что темпы восстановления превзошли ожидания правительства. Однако санкции продолжают оказывать влияние на средне- и долгосрочные тенденции процентных ставок в России, международное торгово-экономическое сотрудничество и валютные расчеты. Это создает важную основу для усиления финансовых связей между Россией и Китаем.

Устойчиво низкие цены на сырьевые товары и сокращение положительного сальдо текущего счета платежного баланса вынуждают Центральный банк РФ (далее – ЦБ РФ, Банк России) повышать процентные ставки в ответ на длительное давление, связанное с ослаблением рубля. Все чаще страны БРИКС и Россия стали заявлять о намерении ввести новую резервную валюту (далее – НРВ) в свои расчеты, что гипотетически может помочь в экономических расчетах, интеграциях и поспособствовать освобождению стран от зависимости расчетов в долларах США.

Целью настоящего исследования служит разработка и обоснование модели внедрения новой резервной валюты в рамках БРИКС, направленную на трансформацию платежно-расчетных отношений РФ и Китая, снижение зависимости от доллара США и минимизацию санкционных рисков в условиях геоэкономической нестабильности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВАЛЮТНОГО ВЫБОРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЯХ

Международная экономическая система представляет собой совокупность элементов мировой экономики с присущими каждому из них характеристиками. В процессе действия ее элементов возникают интегративные качества, характеристики, закономерности функционирования этой системы. Международная экономическая система – продукт многовековой эволюции, результат взаимодействия государств на протяжении всей их истории [2]. Согласно моделям данной системы, валютная структура внешне-торговых расчетов может быть классифицирована по двум основным режимам:

- модель валюты-носителя (англ. Vehicle Currency) – использование третьей валюты (не принадлежащей странам сделки) для упрощения международных расчетов;
- модель национальной валюты – проведение расчетов в валюте одной из стран-участниц сделки (экспортера или импортера).

Роль валюты-носителя традиционно закреплена за резервными валютами, такими как доллар США (USD), евро (EUR), фунт стерлингов (GBP), японская иена (JPY), китайский юань (CNY) и швейцарский франк (CHF). Доминирование доллара США в глобальной финансовой системе носит персистентный характер, что обусловлено его мультифункциональной ролью:

- средство обмена – благодаря высокой ликвидности и низким транзакционным издержкам;
- единица расчета – как эталон для оценки стоимости активов и обязательств;
- средство сбережения – благодаря устойчивости к инфляции и доверию со стороны инвесторов.

Эконометрические исследования выделяют ключевые детерминанты предпочтения резервных валют:

- макроэкономическая стабильность – низкая волатильность обменного курса;
- высокая конвертируемость (рыночная ликвидность) – возможность быстрой конвертации без значительных потерь;
- институциональная инфраструктура – интеграция в глобальные финансовые системы (например, SWIFT) [1].

Несмотря на теоретическую возможность диверсификации валютных режимов, эмпирические данные свидетельствуют о сохранении гегемонии доллара США. Это обусловлено сетевой экономикой, где преимущества использования одной валюты возрастают с увеличением числа ее пользователей. Таким образом, доминирование резервных валют, особенно доллара США, является результатом сложного взаимодействия экономических, институциональных и исторических факторов, формирующих архитектуру современной международной монетарной системы.

Российский опыт, особенно в условиях беспрецедентных санкций с 2022 г., представляет собой уникальный «естественный эксперимент» для проверки устойчивости этой гегемонии. Стремясь минимизировать зависимость от доллара США и западных финансовых институтов, Россия активно продвигает

использование альтернативных валют, национальных расчетных механизмов и дедолларизацию торговли. Следует проанализировать данные и понять насколько эта политика смогла реально изменить валютную структуру внешней торговли и ослабить действие сетевых эффектов доллара США.

Согласно статистическим данным, опубликованным Федеральной таможенной службой за период январь–декабрь 2024 г., темп роста внешнеторгового баланса России остался почти на том же уровне как в экспорте, так и в импорте, что отражает незначительное падение импорта по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. Этот рост экспорт обусловлен реструктуризацией экспортных потоков и адаптацией к новым условиям глобальной торговли (табл. 1).

Таблица 1

**Итоги внешней торговли РФ со всеми странами за период январь–декабрь 2023 г.
и январь–декабрь 2024 г.**

Показатель	Экспорт			Импорт		
	Январь– декабрь 2023 г., млрд долл. США	Январь– декабрь 2024 г., млрд долл. США	Темп роста, %	Январь– декабрь 2023 г., млрд долл. США	Январь– декабрь 2024 г., млрд долл. США	Темп роста, %
Весь мир	425,3	433,9	102,0	285,3	283,0	99,2
Европа	85,9	68,4	79,6	78,5	73,1	93,1
Азия	306,0	329,2	107,6	187,6	191,2	101,9
Африка	21,2	24,3	114,7	3,4	3,5	103,5
Америка	12,1	11,9	98,3	15,0	14,8	98,2
Океания	0,0	0,0	77,8	0,2	0,1	73,8

Составлено автором по материалам источника⁵

14 февраля 2025 г. ЦБ РФ, выполняя функции монетарного регулятора, осуществил ревизию макроэкономических прогнозов:

– прогноз профицита торгового баланса на 2024 г. снижен до 123 млрд долл. США (с 133 млрд долл. США);

– прогнозируемый профицит на 2025 г. скорректирован до 117 млрд долл. США (со 120 млрд долл. США).

Кроме того, ЦБ РФ пересмотрел ожидания по объему экспорта в 2025 г.: показатель снижен до 419 млрд долл. США (с 423 млрд долл. США). Эта корректировка обусловлена комплексом факторов, включая волатильность спроса на ключевые экспортные товары (например, энергоносители и металлы) на фоне изменений в глобальной экономической конъюнктуре. Прогноз по импорту также был незначительно скорректирован: ожидаемый объем снижен до 302 млрд долл. США (с 303 млрд долл. США)⁶. Такие изменения могут быть связаны с трансформацией внутренней инвестиционной активности и адаптацией экономики к внешним макроэкономическим шокам, включая санкционное давление и ограничения доступа к международным финансовым рынкам. Таким образом, пересмотр прогнозов ЦБ РФ отражает как внешние вызовы, так и внутренние адаптационные процессы, формирующие новую динамику внешнеторгового баланса страны.

Для выявления ключевых проблем в сфере расчетов между Россией и Китаем целесообразно обратиться к результатам предыдущих исследований. Как отмечает О.Д. Покровская в своем исследовании (2022 г.), в России активно использовалась схема закупки европейских товаров через турецкого посредника (Агента), тогда как прямые расчеты с Китаем не вызывали значительных сложностей [3]. В рамках данной схемы российский покупатель осуществлял оплату в рублях Агенту, который, в свою очередь,

⁵ Федеральная таможенная служба. Итоги внешней торговли со всеми странами. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 15.07.2025).

⁶ Отчет о заседании по ключевой ставке ЦБ РФ. Режим доступа: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=14022025_133000key.htm (дата обращения: 15.07.2025).

взаимодействовал с европейским продавцом, конвертируя средства в евро. Товар доставлялся через свободную экономическую зону (СЭЗ) в Россию с учетом комиссионных за логистику и посредничество. Основой для таких операций служили договор с Агентом и инвойс. Преимуществом схемы была минимизация издержек, связанных с неблагоприятной конвертацией валюты и высокими комиссиями (до 12 %) при обмене рублей на евро.

Однако данная модель была сопряжена с рядом рисков:

- отказ транспортных компаний от перевозок из-за санкционных ограничений или репутационных рисков;
- таможенные задержки или отказы в пропуске грузов на границе;
- риск вторичных санкций для стран-посредников;
- рост себестоимости товаров из-за усложненной логистической цепочки;
- увеличение комиссий посредников (5–10 % от суммы контракта), особенно для дефицитных товаров;
- введение дополнительных пошлин для российских экспортеров в отдельных юрисдикциях;
- сложности с платежами иностранным контрагентам из-за финансовых санкций.

Данную схему следует рассматривать как временное решение в условиях санкционной изоляции, характерное для 2022 г., а не как устойчивую логистическую модель. Высокая волатильность экономической среды способна быстро обесценить существующие логистические решения, что подтвердилось в 2024 г. угрозой вторичных санкций для китайских банков, сотрудничающих с российскими финансовыми институтами. В ответ на эти вызовы многие компании перешли на ручное управление логистикой, требующее постоянного мониторинга и оперативного реагирования. Кроме того, произошла диверсификация поставщиков с переориентацией на Китай и страны Содружества Независимых Государств, что позволило перенаправить контейнерные потоки на железнодорожные маршруты, снизив зависимость от морских перевозок.

Если проводить анализ трансформации платежных практик в условиях геэкономической турбулентности, можно заметить определенные особенности. Например, Банк Китая (англ. Bank of China, далее – ВОС), занимающий четвертое место в глобальном рейтинге по объему активов, интенсифицировал блокировку юаневых транзакций для юрисдикций, ассоциируемых его комплаенс-департаментом с риском реэкспорта товаров в РФ. Данный тренд, зафиксированный представителями бизнес-сообщества и экспертами в области трансграничной торговли, отражает эскалацию регуляторной осторожности в контексте санкционного давления⁷.

Другим примером для анализа служит кейс корпорации из Объединенных Арабских Эмиратов (далее – ОАЭ), которая столкнулась с отклонением перевода в китайских юанях из Казахстана на счета в Chouzhou Commercial Bank (Китай). Причиной стал отказ ВОС, выступающего корреспондентным банком для казахстанского Банка ЦентрКредит (далее – БЦК), провести операцию из-за отсутствия прямых межбанковских соглашений между БЦК и Chouzhou Commercial Bank. Последний ужесточил требования, разрешая платежи только через банки с установленными прямыми корреспондентскими связями, что минимизирует транзакционные цепочки и снижает комплаенс-риски.

В феврале 2024 г. Chouzhou Commercial Bank официально прекратил обслуживание операций с РФ и Республикой Беларусь через SWIFT, Систему передачи финансовых сообщений (далее – СПФС) и CIPS. Это решение, синхронизированное с участвовавшими случаями блокировок платежей через ВОС, указывает на формирование двух ключевых трендов. Первый – это сегментация финансовых потоков. Банки Китая сокращают взаимодействие с санкционно-чувствительными регионами, переходя к политике «избирательной интеграции». Второй – фрагментация платежной инфраструктуры. Отказ от мультисистемности (SWIFT + CIPS + СПФС) в пользу эксклюзивных каналов отражает стремление избежать вторичных санкций. Усиление комплаенс-фильтров ВОС и Chouzhou Commercial Bank свидетельствует о системной перестройке китайских финансовых институтов в ответ на экстерриториальность западных санкций. Это провоцирует рост транзакционных издержек для бизнеса, вынуждая компании диверсифицировать банковских партнеров, внедрять схемы с прямыми корреспондентскими связями, активнее использовать альтернативные валюты (например, дирхамы ОАЭ или казахстанские тенге). Это усиливает разобщенность мировой финансовой системы, формируя изолированные платежные каналы.

Существуют предложения по инициированию нового эмиссионного центра для стран БРИКС и разработка коллективной валюты, представляющей собой альтернативную стратегию решения проблемы зависимых от доллара США расчетов внутри данного экономического союза. В условиях глобальных

⁷ Газета РБК номер № 154 (4000) (1511). Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/11/15/6734691d9a794722094ba5b8>

финансовых преобразований эта тема приобретает особую значимость, поскольку, помимо использования национальных валют БРИКС в межгосударственных транзакциях, может возникнуть новая, высоколиквидная валюта, подкрепленная совокупным экономическим потенциалом пяти крупнейших развивающихся экономик. В исследовании Р.Ю. Миронова и Е.М. Григорьевой описывается, что это способно укрепить финансовую интеграцию, повысить макроэкономическую стабильность и снизить зависимость от доминирующих резервных валют [4].

Существует два альтернативных подхода к формированию искусственной коллективной валюты, которые дифференцируются по методологии их использования:

- валюта, внедрение которой предполагает отказ государств-участников валютного союза от собственных национальных денежных единиц (например, евро);
- валюта, которая служит для проведения специфического набора финансовых операций между странами, не заменяя при этом национальные валюты в обращении (как в случае со специальными правами заимствования Международного валютного фонда или Европейской валютной единицей – ЭКЮ).

Многие ученые и экономисты отмечают, что переход государств на единую наднациональную валюту сопровождается утратой суверенитета в области монетарной политики. В ситуации, когда страны принимают общую валюту, возникает необходимость в разработке унифицированных принципов денежно-кредитного регулирования. Опыт Европейского союза демонстрирует, что формирование справедливого валютного союза, который полноценно учитывал бы экономические интересы всех участников, представляет собой значительную сложность. Асинхронность экономического развития и структурные диспропорции между странами создают макроэкономические дисбалансы и могут стать катализатором финансовых кризисов.

В данном контексте фундаментальная цель создания наднациональной валюты в рамках БРИКС заключается в оптимизации торгово-экономических отношений, обеспечении финансирования совместных проектов и снижении зависимости от доминирующих резервных валют, таких как доллар США и евро, в международных расчетах. На начальных этапах внедрения предполагаются использование новой коллективной валюты в качестве расчетной единицы и обеспечение конвертации без участия третьих валют. В перспективе эта валюта может эволюционировать до полноценного средства платежа и обрести статус резервной не только для стран БРИКС, но и для других государств, стремящихся к диверсификации своих международных резервов и повышению финансовой устойчивости. Стоит добавить, что проект валюты БРИКС на данный момент находится на стадии раннего планирования, что подводит к тому, что в течение нескольких лет он не будет реализован в полном объеме.

В исследованиях Ф.Ф. Шарипова, М.А. Дьяконовой и М. Сюй описываются системы использования китайского юаня в расчетах между Китаем и РФ. В последние годы интернационализация юаня претерпела существенные трансформации [5; 6]. Изначально китайский юань служил преимущественно средством проведения международных торговых транзакций между Китаем и соседними государствами, при этом его обменный курс с 2009 г. по 2014 г. увеличился приблизительно на 40 %. После вступления Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 г. страна стремительно стала ведущим актором мировой торговли, что привело к экспоненциальному росту международного использования китайского юаня, и доля его использования для международных платежей в международном платежном обороте стала составлять 2,31 % к концу 2015 г.⁸. В настоящее время мотивация иностранных экономических агентов к принятию, использованию и инвестированию в китайский юань претерпела кардинальные изменения. Китайский юань эволюционирует от инструмента торговых расчетов к инвестиционному активу с высоким потенциалом капитализации. В 2016 г., после включения китайского юаня в корзину Специальных прав заимствования Международного валютного фонда, Народный банк Китая и Государственное управление валютного контроля инициировали меры по либерализации внутреннего финансового рынка – необходимое условие для того, чтобы китайский юань стал глобальной резервной валютой.

Международная система передач финансовых сообщений SWIFT, являясь ключевым компонентом мировой экономики, фактически контролируется США, что создает геополитические риски для стран, таких как Россия, особенно в условиях западных санкций и нестабильности энергетических рынков. В ответ Россия и Китай разработали инновационный механизм электронных расчетов. Планируется

⁸ Платонова И.Н. Финансовый фактор интернационализации юаня. Режим доступа: https://mgimo.ru/library/publications/finansovyy_faktor_internatsionalizatsii_yuanyu/ (дата обращения: 15.07.2025).

интеграция системы передачи финансовых сообщений ЦБ РФ с китайской платежной инфраструктурой через шлюз, что позволит минимизировать риск отключения от SWIFT. В перспективе российская система будет преобразована и совмещена с китайской системой трансграничных межбанковских платежей (CIPS). Чтобы эффективно продвигать китайский юань в международных платежах и снижать роль доллара США, требуется создавать резервные платежные маршруты, рационально распределять операции с китайским юанем по регионам, усиливать государственное регулирование и расширять взаимодействие с коммерческими банками.

Согласно исследованию Ю. Кузнецова и В. Уткина, в отношениях с Республикой Беларусь и Казахстаном Россия выступает как более сильный экономический партнер и лидер интеграционных процессов, тогда как в отношениях с Китаем ее позиция существенно отличается [7]. В этом контексте важно опираться на конкурентные преимущества рубля по сравнению с другими национальными валютами и целенаправленно их развивать. В то время как в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) расчеты в национальных валютах (прежде всего в российском рубле, белорусском рубле и казахстанском тенге) достигли определенного уровня развития, в границах других интеграционных объединений – Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС – наблюдается лишь эпизодическое их использование, за исключением китайского юаня. Это позволяет предположить, что наибольшие перспективы развития таких расчетов сосредоточены именно в ЕАЭС и в двусторонних отношениях стран этого объединения с Китаем.

Значительным препятствием для расширения расчетов в национальных валютах являются регуляторные издержки, связанные с процедурами комплаенса. Основные сложности обусловлены нормами валютного контроля, требующими предоставления детальной информации о транзакциях и их участниках, а также различиями в этих нормах между странами-партнерами и действующими санкционными ограничениями. В свете этого одним из приоритетных направлений развития расчетов в национальных валютах может стать существенная либерализация норм и процедур валютного контроля при взаимных расчетах со странами-партнерами, а также гармонизация соответствующей нормативно-правовой базы в рамках интеграционных объединений, прежде всего ЕАЭС. С точки зрения противодействия внешним ограничениям (санкциям) и минимизации их негативного воздействия на российскую финансовую систему развитие расчетов в национальных валютах само по себе вряд ли может рассматриваться как универсальное решение. Поскольку последствия санкций, в частности бремя и риски, связанные с валютным регулированием и процедурами комплаенса, затрагивают операции в национальных валютах, необходим комплексный подход для эффективного преодоления этих вызовов.

Анализ путей решения оплаты товаров и услуг между РФ и Китаем в 2024 г. раскрыт не в полном объеме, поскольку из-за угрозы вторичных санкций нарушилась цепочка финансовой логистики, что привело к значительному изменению расчетов в платежах между странами, поэтому стоит разработать систему ввода общей валюты для стран БРИКС с целью упрощения валютных операций и сближения экономик членов организации.

ВНЕДРЕНИЕ НРВ В ПЛАТЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РФ И КИТАЯ В РАМКАХ БРИКС

Для предпосылок внедрения НРВ важно проанализировать текущее состояние практики расчетов для расчетов между Китаем и РФ. В конце 2024 г. в нормативно-правовом регулировании внешнеэкономической деятельности произошли значимые изменения, направленные на поддержку бизнеса и повышение эффективности международной торговли. Рассмотрим ключевые нововведения.

1. Новые механизмы поддержки импортно-экспортных операций. С 25 декабря 2024 г. вступили в силу изменения в Указе Президента РФ № 771, позволяющие крупным экспортерам помогать импортерам в оплате зарубежных поставок⁹. Механизм работает так: импортер платит экспортеру в рублях внутри страны, а экспортер использует свою валютную выручку за рубежом для оплаты поставок импортера. Это снижает транзакционные издержки и риски конвертации. Условия: импортер должен обеспечить поставку товара в течение 180 дней, а экспортер – получить разрешение от Правительственной комиссии.

2. Использование цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). С 11 января 2025 г. ЦФА разрешено использовать для оплаты внешнеторговых контрактов. Это расширяет возможности платежей, но требует

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 10 сентября 2024 г. № 771 «Об обязательной продаже иностранной валюты некоторыми российскими экспортерами». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51096> (дата обращения: 15.07.2025).

соблюдения валютного законодательства. В течение 15 рабочих дней после оплаты необходимо уведомить банк и предоставить подтверждающие документы. Однако ЦФА пока нельзя использовать для займов.

3. Упрощение таможенного оформления. Если импортер привлекает платежного агента для оплаты поставщику, расходы на его услуги не включаются в таможенную стоимость товара. Рекомендуется указать в контракте, что услуги агента не обязательны, чтобы избежать лишних издержек.

4. Сохранение ограничений. До конца 2025 г. сохраняются ограничения на:

- приобретение долей в иностранных компаниях без разрешения;
- выдачу займов нерезидентам из «недружественных» стран;
- погашение обязательств перед «недружественными» юрисдикциями через счета типа «С».

Эти изменения направлены на модернизацию внешнеэкономической деятельности, предоставляя бизнесу новые инструменты для работы на международной арене. Рекомендуется изучить нововведения и при необходимости проконсультироваться с экспертами.

Рассмотрим долю малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) и занятости в странах БРИКС на период 2024 г. (табл. 2) [8].

Таблица 2

Доля малого и среднего бизнеса в ВВП и занятости в странах БРИКС

Страна	Доля в ВВП, %	Доля в занятости населения, %
Россия	20	27
Китай	60	80
Индия	40	65
Бразилия	27	57
Южно-Африканская Республика	35	54
Иран	43	41
Египет	33	45
Эфиопия	35	50
Объединенные Арабские Эмираты	60	86

Составлено автором по материалам источника [8]

Интенсификация использования национальных валют в трансграничных расчетах и интеграция цифровых платежных платформ репрезентируют операционные шаги по ослаблению доминирования доллара США и западных финансовых институтов. Однако эти меры не устраняют структурные дисбалансы в мировой экономике, что делает необходимым создание альтернативной резервной валюты (НРВ) как основы новой финансовой системы.

Двусторонние валютные соглашения, несмотря на их функциональность для стран БРИКС, демонстрируют транзакционные ограничения, включая необходимость создания специализированной правовой инфраструктуры и риски угрозы суверенитету. Альтернативная расчетная единица не предполагает замещения национальных валют, сохраняя автономию монетарных политик. В отличие от Еврозоны концепция НРВ исключает формирование единого эмиссионного центра или согласование денежно-кредитной политики, что минимизирует угрозы экономическому суверенитету. Текущие трансграничные механизмы, аналогичные бартерным системам, не обеспечивают макроэкономическую сбалансированность. Высоколиквидная резервная валюта становится императивом для нивелирования торговых дисбалансов, выполняя функции универсального мерилы стоимости, средства накопления и платежа.

Концептуальные основы НРВ и сама валюта позиционируются как фидуциарный инструмент с плавающим курсом, свободный от архаичной привязки к золоту или сырьевым активам. Ее архитектура предполагает цифровую природу, аналогичную CBDC, что оптимизирует международные транзакции и усиливает резистентность к санкционным рискам. Критическим элементом является институциональное доверие, формируемое через создание эмиссионного органа (НРВР), ответственного за выпуск валюты и резервных облигаций (НРБ) с гарантиями казначейств стран-участниц. БРИКС, обладая совокупным экономическим и демографическим потенциалом, выступает драйвером трансформации мировой финансовой системы. Однако расширение количества участников усложняет достижение консенсуса, что требует гибкой

плюрилатеральной модели с добровольным участием. Стратегическим приоритетом является формирование коалиции «готовых к сотрудничеству» государств с поэтапной интеграцией остальных.

Инициатива внедрения НРЕ – композитной единицы на базе валютной корзины, взвешенной по долям ВВП стран-участниц, – служит промежуточным звеном для достижения выгоды от положительных сетевых эффектов. Стабилизация НРЕ обеспечивается макроэкономической дивергенцией внутри БРИКС: сырьевые экспортеры (Бразилия, Россия, Южно-Африканская Республика) балансируются импортерами (Индия, Китай). Ключевой задачей становится восприятие НРЕ как прекурсора НРВ, а не самостоятельного инструмента. Финансовые институты БРИКС – Новый банк развития (далее – НБР) и Пул условных валютных резервов (далее – ПУВР) – трансформируются в платформы для внедрения НРЕ/НРВ. НБР, минимизируя долларовую зависимость, должен переориентироваться на операции в национальных валютах и НРВ, а ПУВР – расширить своповые механизмы, включив новых участников. Стратегическое расширение членской базы и создание регуляторного органа ПУВР в Шанхае усилят синергию с НБР, конкурируя с Международным валютным фондом через автономный макроэкономический мониторинг.

Формирование интегральной новой международной валютно-финансовой системы требует:

- платежных систем, альтернативных SWIFT, для нейтрализации санкционных рисков;
- рейтинговых агентств, снижающих зависимость от западных аналогов;
- цифровых инструментов для частных и корпоративных транзакций.

Для применения новых форматов расчетов требуется проанализировать возможный вариант ввода НБР в систему платежей между Китаем и РФ. Россия и Китай как ключевые участники БРИКС демонстрируют растущую дивергенцию от доллара США в двусторонней торговле. По данным ЦБ РФ от 2023 г., доля расчетов в национальных валютах достигла 80 % (против 25 % в 2019 г.), при этом китайский юань составляет 60 % от всех валютных операций РФ¹⁰. Эти тренды формируют идеальную тестовую площадку для внедрения НРВ. Обратимся к табл. 3 для обнаружения структуры российско-китайской торговли.

Таблица 3

Структура российско-китайской торговли

Показатель	Объем, млрд долл. США	Доля в национальных валютах, %
Товарооборот	240	80
Энергоносители (нефть, газ)	150	85
Машиностроение	45	65
Сельхозпродукция	30	75

Составлено автором по материалам источников^{11,12}

Волатильность курсов национальных валют остается ключевым препятствием для стабильности двусторонних расчетов. В 2023 г. колебания китайского юаня (CNY) и российского рубля (RUB) достигли $\pm 12\%$, что существенно превышает показатели основных резервных валют, таких как доллар США ($\pm 6\%$) или евро ($\pm 8\%$)¹³. Подобная нестабильность усугубляется геополитической нестабильностью, включая санкционное давление на Россию и замедление экономического роста Китая. Для экспортеров и импортеров это означает повышенные риски: например, российские поставщики энергоресурсов, фиксирующие цены в китайских юанях, сталкиваются с незапланированными убытками при резком укреплении китайской валюты. Аналогично китайские производители, закупая сырье в рублях, теряют маржу при девальвации рубля. Такая ситуация вынуждает компании закладывать в контракты валютные «подушки безопасности», увеличивая конечную стоимость товаров и снижая конкурентное преимущество.

Ограниченная ликвидность китайского юаня на российском рынке дополнительно сужает возможности для масштабирования расчетов в национальных валютах. Несмотря на рост популярности китайского юаня, ежемесячный оборот юаня на Московской бирже в 2023 г. составил лишь 1,2 трлн руб. – менее

¹⁰ Министерство торговли Китая. Статистика. Режим доступа: <https://russian.mofcom.gov.cn/statistics/jinchukou/index.html> (дата обращения: 15.07.2025).

¹¹ Федеральная таможенная служба. Статистика. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 15.07.2025).

¹² Министерство торговли Китая. Статистика. Режим доступа: <https://russian.mofcom.gov.cn/statistics/jinchukou/index.html> (дата обращения: 15.07.2025).

¹³ Банк России. Динамика валюты за 2023 год. Режим доступа: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения: 15.07.2025).

5 % от объемов долларовых операций (25 трлн руб.)¹⁴. Низкая ликвидность приводит к значительным спредам между ценами покупки и продажи, особенно при крупных сделках. Например, конвертация партий нефти на сумму свыше 100 млн долл. США может вызвать искусственное «проседание» курса китайского юаня на 2–3 %, увеличивая издержки для участников рынка. Кроме того, ограниченный доступ к фондам китайского юаня за рубежом (из-за санкционных рисков) сокращает возможности хеджирования, вынуждая компании накапливать избыточные валютные резервы.

Технологическая зависимость от западных платежных систем сохраняет уязвимость даже в условиях активного перехода на национальные валюты. Около 30 % российско-китайских транзакций по-прежнему проходят через SWIFT, что создает риски блокировки под давлением третьих стран. В 2022–2023 гг. ряд российских банков, включая ВТБ и Сбербанк, столкнулись с отключением от системы, что временно парализовало часть расчетов. Альтернативные механизмы, такие как российский СПФС или китайская CIPS, пока не интегрированы в единую экосистему: переводы между ними требуют посредничества корреспондентских счетов, увеличивая время обработки до двух–трех дней против 10–15 минут в SWIFT. Кроме того, различия в технических стандартах (например, протоколы шифрования) и юридических требованиях (санкционные проверки) замедляют разработку кроссплатформенных решений. Это особенно критично для секторов с жесткими временными рамками, таких как поставки скоропортящейся сельхозпродукции или компонентов для совместных промышленных проектов. Таким образом, текущая модель, несмотря на прогресс в дедолларизации, сохраняет системные слабости, требующие структурных решений, от разработки систем стабилизации валютных курсов до внедрения цифровых платформ следующего поколения.

ЭТАПЫ ВНЕДРЕНИЯ НРВ В РАМКАХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

На первом этапе (2024–2025 гг.) Россия и Китай фокусируются на разработке гибридной расчетной единицы (далее – ДРЕ), призванной снизить волатильность и зависимость от доллара США. Основой ДРЕ становится валютная корзина, где китайский юань (CNY) и российский рубль (RUB) получают весовые коэффициенты, пропорциональные их долям в совокупном ВВП БРИКС. Согласно данным Международного валютного фонда за 2023 г., Китай обеспечивает 74 % общего ВВП объединения, Россия – 26 %, что определяет формулу:

$$\text{ДРЕ} = (0,7 \times \text{CNY}) + (0,3 \times \text{RUB}). \quad (1)$$

В табл. 4 можно увидеть преимущества НРВ для РФ и Китая.

Таблица 4

Преимущества НРВ для РФ и КНР

Параметр	Россия	Китай
Снижение валютных рисков	– 40 % к долларовой экспозиции	– 35 % к резервам в долл. США
Инфраструктурная экономия	1,2 млрд долл. США/год (комиссии)	3,5 млрд долл. США/год (свопы)
Геополитическая выгода	Обход санкций (до 90 % операций)	Усиление китайского юаня как глобальной валюты

Составлено автором по материалам исследования

Техническая реализация предполагает подписание межправительственного соглашения о фиксации курсовых соотношений и создание механизма ежедневного пересчета ДРЕ на базе рыночных котировок. Для операций будет задействована платежная система CIPS (Китай) и СПФС (Россия), интегрированные через шлюзы для мгновенных переводов. Пилотные проекты запускаются в ключевых отраслях:

– энергетика – контракты на поставку нефти и газа (например, «Газпром» и CNPC) переводятся на ДРЕ с ежемесячным объемом 5–7 млрд долл. США;

– сельское хозяйство – расчеты за зерно и сою осуществляются через ДРЕ, минимизируя валютные риски для аграрных холдингов.

¹⁴ Ежемесячный оборот юаня на Московской бирже в 2023 году. Режим доступа: <https://www.moex.com/a1718> (дата обращения: 15.07.2025).

К концу 2025 г. доля ДРЕ в двусторонней торговле должна достичь 20 %, что потребует расширения ликвидности китайского юаня на Московской бирже до 3 трлн руб./мес.

На втором этапе (2026–2027 гг.) НБР и ПУВР подключаются к процессу, трансформируя ДРЕ в инструмент международного финансирования. НБР начинает эмиссию суверенных и корпоративных облигаций, номинированных в ДРЕ, с привлечением институциональных инвесторов из стран БРИКС.

Примеры гипотетических проектов:

- инфраструктура «Северного морского пути» – выпуск облигаций на 2 млрд долл. США под 3 % годовых (против 6 % в долл. США) для строительства портов и ледоколов;
- «зеленая» энергетика – финансирование ветропарков в провинции Хэйлуунцзян (Китай) и солнечных станций в Астраханской области (Россия) через «зеленые» бонды в ДРЕ.

ПУВР расширит своповые линии между ЦБ РФ и Центральным банком Китая до 50 млрд долл. США, обеспечивая ликвидность для экстренных случаев. Это позволяет коммерческим банкам конвертировать избыточные рублевые и юаневые резервы в ДРЕ без промежуточных валют.

Критическим элементом становится создание Центра риск-менеджмента НБР, который отслеживает курсовые колебания и корректирует веса корзины каждые 6 месяцев ($\pm 5\%$ к исходным 70/30). Например, при росте доли Китая в ВВП БРИКС до 76 % формула ДРЕ обновляется до:

$$\text{ДРЕ} = (0,72 \times \text{CNY}) + (0,28 \times \text{RUB}). \quad (2)$$

Финальный этап (2028–2030 гг.) предполагает трансформацию ДРЕ в полноценную цифровую резервную валюту (НРВ) на базе блокчейн-платформы, объединяющей цифровой юань (e-CNY) и цифровой рубль. Архитектура платформы могла бы включать такие аспекты, как узлы в Москве и Шанхае, которые могли бы обеспечивать конвертацию CBDC в НРВ через смарт-контракты. В сквозной шифровке могла бы использоваться квантово-устойчивая криптография для защиты от кибератак. Время транзакций сократилось бы до менее трех секунд (против двух–трех дней в традиционных системах).

В пример пилотных сценариев для расчетов межбанковских операций можно привести гипотетическую транзакцию ВЭБ.РФ и ВОС на 10 млрд долл. США в НРВ для финансирования совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В розничной торговле китайские потребители могли бы оплачивать российские товары через мобильные приложения Alipay и «Сбербанк Онлайн» в НРВ. Расчет весов корзины происходил бы в динамической модели, где доля каждой валюты корректируется ежеквартально на основе доли в ВВП БРИКС (70 % Китай, 30 % – Россия в 2028 г.), объемов двусторонней торговли и уровня золотовалютных резервов. К 2030 г. НРВ могла бы занять 15 % в резервах ЦБ России и Китая, а ее доля в глобальных расчетах – достичь 3–5 %, создавая альтернативу доллару США и евро.

МЕХАНИЗМЫ РАСЧЕТОВ НА БАЗЕ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ И БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ

Внедрение НРВ в рамках российско-китайского сотрудничества предполагает формирование инновационной цифровой экосистемы, интегрирующей национальные цифровые валюты – китайский e-CNY и российский цифровой рубль. Основой этой экосистемы станет кросс-цепочная блокчейн-платформа, обеспечивающая мгновенную конвертацию CBDC в НРВ и проведение транзакций без посредников.

Архитектура платформы строится на гибридной блокчейн-модели, сочетающей публичные и приватные реестры для баланса между прозрачностью и конфиденциальностью. В ее структуре выделяются три ключевых узла.

Китайский узел интегрирован с системой цифрового юаня (e-CNY), эмитируемого Народным банком Китая. Смарт-контракты на этом узле автоматически конвертируют e-CNY в НРВ по курсу, рассчитанному на основе валютной корзины (70 % CNY и 30 % RUB). Каждая операция фиксируется в распределенном реестре с использованием меток времени и уникальных хеш-идентификаторов, что исключает двойное расходование средств.

Российский узел, связанный с инфраструктурой цифрового рубля ЦБ РФ, обеспечивает конвертацию национальной валюты в НРВ через децентрализованные обменные пулы (DEX). Ликвидность в этих пулах поддерживается маркет-мейкерами – крупными банками и корпорациями, такими как Сбербанк или «Газпром». Для аудита транзакций применяется технология zero-knowledge proofs, позволяющая проверять легитимность операций без раскрытия конфиденциальной информации.

Третий элемент системы – узел НБР, который выполняет функции эмитента НРВ. Алгоритмы, привязанные к макроэкономическим показателям (инфляция, торговый баланс), регулируют объем валюты в обращении. НБР также осуществляет мониторинг транзакций в реальном времени, используя алгоритмы искусственного интеллекта для выявления подозрительных активностей, таких как санкционные схемы. Кроме того, банк обеспечивает синхронизацию данных между узлами Китая, России и других стран БРИКС через межсетевые шлюзы, что критически важно для масштабируемости системы. Кросс-цепочное взаимодействие между e-CNY и цифровым рублем реализуется через протокол атомарных свопов (англ. atomic swaps), позволяющий обменивать CBDC напрямую, минуя посредников. Процесс начинается с инициации сделки: контрагенты (например, Газпром и китайская Sinopet) согласовывают условия контракта в НРВ через смарт-контракт, фиксирующий курс и объем. На втором этапе цифровые активы (рубли и китайские юани) временно блокируются в кошельках с многосторонним доступом до выполнения условий контракта. Как только поставка товара подтверждается (например, через IoT-датчики (IoT – Интернет вещей) в газопроводах), смарт-контракт автоматически разблокирует активы и конвертирует их в НРВ.

Пилотный гипотетический проект 2025 г., участниками которого могут стать «Газпром», Sinopet, ВЭБ.РФ и ВОС, нацелен на перевод 20 % газовых контрактов (на сумму 45 млрд долл. США) в НРВ. Это позволит сократить транзакционные издержки с 1,5 до 0,2 % за счет устранения посредников – корреспондентских банков и клиринговых центров. Возможное внедрение цифровых гарантий ВЭБ.РФ и локализация ликвидности через пулы ВОС и ВТБ обеспечат мгновенные расчеты, снижая время операций с трех–пяти дней до менее минуты.

Интеграция блокчейн-технологий и CBDC создает не только эффективный инструмент для российско-китайских расчетов, но и фундамент для многополярной финансовой системы, устойчивой к санкциям и геополитическим рискам. НБР, ключевой финансовый институт БРИКС, к 2023 г. накопил портфель проектов на 32 млрд долл. США, из которых лишь 15 млрд долл. США предназначены для строительства заводов сжиженного природного газа в Арктике и кредитования инфраструктуры Северного морского пути под 2 % годовых (против 5 % в долларах США). Эти инициативы не только снизят стоимость заимствований, но и укрепят статус НРВ как инструмента устойчивого финансирования.

Прогнозируется, что к 2025 г. доля НРВ в резервах ЦБ РФ и Народного банка Китая (НБК) достигнет 12 и 8 % соответственно, а к 2030 г. – 25 и 20 %. Для сравнения: текущая доля доллара США в резервах России – менее 10 %, в Китае – около 60 %. Такой сдвиг потребует не только технологической, но и геополитической трансформации (табл. 6).

Таблица 6

Сводные риски и их последствия

Риск	Вероятность, %	Ущерб, млрд долл. США	Сценарий
Санкции США	45	150,0–200,0	Блокировка 50 % транзакций
Кибератаки	30	4,3	Взлом эмиссионной платформы
Волатильность курса	60	80,0	Падение НРВ на 25 %

Составлено автором по материалам исследования

Главным технологическим вызовом остается несовместимость стандартов цифрового юаня (e-CNY) и российского цифрового рубля. На 2024 г. уровень их интеграции оценивается в менее 50 %, что затрудняет кросс-цепочные транзакции. Решением может стать создание единого протокола на базе открытого исходного кода, разработанного совместно ИТ-специалистами (ИТ – информационные технологии) обеих стран.

Геополитические риски связаны с давлением США, которые могут ввести вторичные санкции против компаний, использующих НРВ. По оценкам аналитиков, это способно заблокировать 20–30 % транзакций, особенно в секторах с зависимостью от западных технологий (микроэлектроника, авиастроение). Для минимизации угроз предлагается поэтапный переход на НРВ в «защищенных» отраслях – энергетике, сельском хозяйстве, фармацевтике.

Макроэкономический дисбаланс, вызванный доминированием Китая в корзине НРВ (70 % веса), также требует регулирования. Ежегодная корректировка весовых коэффициентов ($\pm 5\%$) позволит учесть изменения в ВВП стран БРИКС. Например, при росте доли Индии до 20 % к 2030 г. формула корзины может быть пересмотрена в сторону плюрилатеральности.

Сценарии развития выглядят следующим образом.

1. В базовом сценарии (вероятность 60 %) к 2030 г. доля НРВ в российско-китайской торговле достигнет 40 %, сократив зависимость от доллара США на 150 млрд долл. США. Это потребует согласованных действий по гармонизации законодательства и расширению пула ликвидности.

2. Оптимистичный сценарий (25 %) предполагает, что НРВ займет 5 % в глобальных резервах, став третьей мировой валютой после доллара США и евро. Экономия России и Китая на транзакционных издержках превысит 50 млрд долл. США ежегодно, а инфраструктура Северного морского пути будет модернизирована на 80 % за счет проектов в НРВ.

3. В пессимистичном сценарии (15 %) внутренние противоречия внутри БРИКС, такие как конкуренция между Индией и Китаем за влияние, замедлят внедрение НРВ. Его доля в расчетах останется ниже 10 %, а зависимость от доллара США сохранится в ключевых секторах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование предлагает всесторонний анализ трансформации платежно-расчетных отношений России в условиях глобальной геоэкономической нестабильности, уделяя особое внимание сотрудничеству с Китаем и перспективам создания НРВ в рамках БРИКС. Работа объединяет теоретические модели, эмпирические данные и прогностические сценарии, формируя основу для переосмысления роли развивающихся экономик в мировой финансовой архитектуре.

Доминирование доллара США, сохраняющееся благодаря институциональной инерции и сетевым эффектам, превратилось в инструмент геополитического давления. Несмотря на рост экономического влияния развивающихся стран, их вклад в формирование резервных валют остается ограниченным. Если говорить о российско-китайских платежных отношениях, то их суть трансформации заключается в вынужденно-инновационном переходе от зависимости от доллара США и западных финансовых инфраструктур (прежде всего SWIFT) к гибридной модели, сочетающей расчеты в национальных валютах (доля достигла 80 %, при доминировании китайского юаня – 60 % операций), интеграцию альтернативных технологических платформ (СПФС, CIPS, цифровой юань e-CNY, цифровой рубль) и стратегическое продвижение наднациональной валюты (НРВ) в рамках БРИКС. Эта эволюция, ускоренная санкциями, блокирующими до 30 % транзакций, на начальных этапах позволила снизить непосредственную уязвимость, но выявила системные проблемы: высокую волатильность курсов ($\pm 12\%$ в 2023 г.), низкую ликвидность китайского юаня на российском рынке (1,2 тран руб./мес. против 25 тран долл. США) и сохраняющуюся технологические особенности.

Для преодоления этих барьеров предложена трехфазная модель внедрения НРВ. На первом этапе (2024–2025 гг.) создается ДРЕ на базе валютной корзины (70 % китайский юань, 30 % рубль), пропорциональной долям ВВП стран БРИКС. Пилотные проекты в энергетике и сельском хозяйстве, такие как контракты «Газпрома» и CNPC на поставку газа, позволят к 2025 г. достичь 20 % доли ДРЕ в торговле. Второй этап (2026–2027 гг.) предполагает подключение НБР и ПУВР для эмиссии облигаций в ДРЕ, включая «зеленые» бонды на 8 млрд долл. США для арктических СПГ-проектов. На третьем этапе (2028–2030 гг.) ДРЕ конвертируется в цифровую НРВ через блокчейн-платформу, интегрирующую цифровой юань (e-CNY) и российский цифровой рубль. К 2030 г. прогнозируется, что НРВ займет 25 % в резервах ЦБ РФ и 20 % – в резервах Китая, создав альтернативу доллару США.

Ключевым элементом успеха НРВ станет гибридная блокчейн-платформа, объединяющая узлы в Москве, Шанхае и НБР. Ее архитектура обеспечивает атомарные свопы для мгновенного обмена CBDC (три секунды на транзакцию), квантово-устойчивую криптографию для защиты от кибератак и смарт-контракты с интеграцией IoT-датчиков, например, в газопроводах «Сила Сибири». Пилотный проект 2025 г. с участием «Газпрома» и Синорес демонстрирует потенциал снижения транзакционных издержек с 1,5 до 0,2 %, что эквивалентно экономии 585 млн долл. США в год. Однако внедрение НРВ сопряжено с рисками: технологическая несовместимость стандартов e-CNY и цифрового рубля (совместимость менее 50 % в 2024 г.), угроза вторичных санкций США, блокирующих 20–30 % операций,

и макроэкономический дисбаланс из-за доминирования Китая в валютной корзине (70 %). Для смягчения этих рисков предложены динамическая корректировка весов корзины ($\pm 5\%$ ежегодно), фокус на «защищенные» сектора (энергетика, сельское хозяйство) и расширение пула участников БРИКС за счет Ирана и Объединенных Арабских Эмиратов.

Научная новизна исследования заключается в синтезе теории валютного выбора, эмпирического анализа российско-китайской торговли и прогностического моделирования. Работа опровергает тезис о неизбежности долларовой гегемонии, демонстрируя, как цифровые технологии и институциональная кооперация могут создать альтернативу. Рост доли китайского юаня в расчетах с 15 (2019 г.) до 60 % (2023 г.) подтверждает возможность трансформации. Практические рекомендации включают гармонизацию валютного регулирования в ЕАЭС, создание «песочниц» для тестирования НРВ и эмиссию резервных облигаций в НРВ для финансирования инфраструктуры. Долгосрочный успех НРВ зависит от способности БРИКС преодолеть внутренние противоречия, такие как конкуренция между Индией и Китаем, и обеспечить технологическую совместимость CBDC. Прогнозы, включая долю НРВ в резервах (25 % для РФ к 2030 г.), требуют верификации в условиях геополитической нестабильности.

Перспективные направления исследований – анализ долгосрочных эффектов дедолларизации, разработка стандартов для межбанковских операций в НРВ и изучение ее роли в глобальных резервах. Предложенная модель НРВ представляет собой шаг к формированию полицентричной финансовой системы, устойчивой к санкциям и геополитическим рискам. Ее реализация требует согласованных усилий регуляторов, бизнеса и финансовых институтов для преодоления технологических, регуляторных и политических барьеров. В условиях нарастающей фрагментации мировой экономики НРВ может стать не только инструментом расчетов, но и символом нового экономического порядка, основанного на справедливости и многополярности.

Список литературы

1. Семёко Г.В. Платежно-расчетные отношения в международной торговле: национальные валюты против доллара. Экономические и социальные проблемы России. 2024;3:147–175. <https://doi.org/10.31249/espr/2024/03.09>
2. Шумилов В.М. Международная экономическая система и международное право. Социально-политические науки. 2021;3:26–27. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-3-26-31>
3. Покровская О.Д. Ответ российской логистической системы на вызовы западных санкций: обход или нивелирование? Бюллетень результатов научных исследований. 2022;4:48–73. <https://doi.org/10.20295/2223-9987-2022-4-48-73>
4. Миронов Р.Ю., Григорьева Е.М. Оценка потенциала создания наднациональной валюты стран БРИКС. Научные труды Вольного экономического общества России. 2023;5. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-243-5-391-411>
5. Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А., Сюй М. Перспективы инноваций в банковской сфере в части организации расчетов в китайских юанях. E-Management. 2022;3(5):145–152. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-145-152>
6. Шарипов Ф.Ф., Сюй М. Безналичные расчеты в международном бизнесе между РФ и КНР. Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2022;1(21):57–60. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2022-21-1-57-60>
7. Кузнецов Ю.В., Уткин В.С. Возможности расчетов в национальных валютах со сменой – сторонники России в интеграционных объединениях. Экономическая политика. 2020;6. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-6-66-89>
8. Морозко Н.И. Механизмы стимулирования деятельности малого и среднего бизнеса в странах БРИКС. Общество: политика, экономика, право. 2025;1:82–88. <https://doi.org/10.24158/pep.2025.1.10>

References

1. Semeko G.V. Payment and settlement relations in international trade: national currencies against the dollar. Economic and Social Problems of Russia. 2024;3:147–175. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/espr/2024/03.09>
2. Shumilov V.M. International economic system and international law. Social and political sciences. 2021;3:26–27. (In Russian). <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-3-26-31>
3. Pokrovskaya O.D. Response of the Russian logistics system to the challenges of Western sanctions: circumvention or levelling? Bulletin of scientific research results. 2022;4:48–73. (In Russian). <https://doi.org/10.20295/2223-9987-2022-4-48-73>
4. Mironov R.Yu., Grigorieva E.M. Evaluation of the potential for the creation of a supranational currency of the BRICS countries. Scientific Proceedings of the Free Economic Society of Russia. 2023;5. (In Russian). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-243-5-391-411>

5. *Sharipov F.F., Dyakonova M.A., Xu M.* Prospects for innovation in the banking sector in terms of the organisation of settlements in Chinese yuan. *E-Management*. 2022;3(5):145–152. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-145-152>
6. *Sharipov F.F., Xu M.* Non–cash payments in international business between Russia and China. *Scientific notes of the Russian academy of entrepreneurship*. 2022;1(21):57–60. (In Russian). <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2022-21-1-57-60>
7. *Kuznetsov Y. V., Utkin V. C.* Possibilities of settlements in national currencies with change – Russia’s supporters in integration associations. *Economic Policy*. 2020;6. (In Russian). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-6-66-89>
8. *Morozko N.I.* Mechanisms of stimulating the activities of small and medium business in the BRICS countries. *Society: politics, economics, law*. 2025;1:82–88. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2025.1.10>